

ЛЮДИ ИСКУССТВА

АЗАРТНОЕ ДЕЛО

Несколько историй, рассказанных скульптором Астой Бржезицкой, в которых ее герои, играя с огнем, совершают неожиданные поступки и навсегда расстаются с автором.

бую! И изображу их не где-нибудь, в бане. Пусть посидят, потолкуют. Рязанов, правда, засомневался, хватит ли на него фарфора, да я успокоила: на антураже сэкономялю, выделю, например, на двоих один тазик.

А когда достали работу из печи, на плече у Рязанова — мушка. Брак! «Ах как кстати! — иронизирую, но почему-то огорчения не чувствую. Вроде бы даже довольна. Чем? — Правильно, огонь! Молодец, надоумил, — нужно на мушке листик нарисовать. Люди парились, хлестали друг друга вениками, листок и прилип. Вон, влажный еще, блестит...»

Подкупающая особенность свойственна ее работам — большинство героев без труда узнаваемы. Портретное сходство, в общем-то не обязательное (да и редкое!) в скульптуре малых форм, возлеза в принцип с того дня, как в конце студенчества — в начале первого послевоенного лета — довелось встретить Нину Солинову, сверстницу, под мальчика стриженую девушку. Девушка смущалась: ради нее — специально из Москвы! — приехала в этот санаторий художница, а она не умеет угодить: попросит присесть — садится не так и встает, как надо, тоже не может. И неловкой не назывешь, и непонятливой не слыла, но вот поди ж ты...

— Наверное, жара мешает, искупаться бы, — сказала в отчаянии.

Когда раздвинулись, пока Нина стягивала через голову платье, студентка ошеломленно взирала на худенькое тело — оно было испещрено ранами: пулевыми и ножевыми, защитными и зарубцевавшимися. Потом слушала громкую повесть Нины о маме-учительнице, повешенной гитлеровцами на глазах у детей, о бегстве в лес к партизанам, о снайперских засадах и первом, убитом с близкого расстояния враге: «Он упал и закричал, и я кинулась на этот крик, кинулась на помощь, а у него вдруг — в руке пистолет. Не почувствовала, попал, не попал, сапогом придавила его руку к земле. Тут он заплакал. Да и я, как дура, стою и плачу...» И думала Аста, что не имеет права лепить просто портрет партизанки «вообще» — абстрактной, что судьба и дела человека неотделимы от его же облака.

В «Принцессе Турандот», посвященной вахтанговцам, легко узнаются Юлия Борисова и Василий Лановой, Михаил Ульянов и Юрий Яковлев, хотя никто из них не позировал, — если согласишься спектакль 27 раз, память не подведет. И Евгений Леонов — в чеховской «Каштанке», несмотря на то, что ни на сцене, ни в кино никогда с «Каштанкой» связан не был.

— Я виновата, я, — признается Бржезицкая. — Начиная работу и спрашиваю: ну вот если бы меня назначили режиссером, кого бы пригласила на роль? Кому бы доверила? И отвечаю: Леонову! Разве я ошиблась? Добрый, мягкий человек... Потому они и счастливы все вместе — и этот клоун, и гусь на продавленном диванчике, и кот, который ластится сади, и Каштанка, которая устроилась наконец. Островок счастья в мире, где все зыбко.

Островок — фрагмент сюжета по рассказам А. П. Чехова. Литература, театр, цирк четко обозначили пространство ее — своего! — театра, и действуют в нем, воплотятся в фарфор, герои отечественной истории, персонажи Шекспира и Гоцци, Дюма и Гоголя, Доде и Чехова. «Поставила» в нем Аста Бржезицкая «Пиковую даму» и «Барышню-крестянку», «Каменного гостя» и «Евгения Онегина», причем ни в мизансценах, ни в трактовке характеров никого не копирую. Однако, подобно режиссерам, готовящимся к спектаклю, она пускается в исследование, дотошно и неумоимо выискивая забытые приметы эпохи, свидетельства очевидцев, утраченные детали быта...

Труппа театра Асты Бржезицкой, наверное, самая многочисленная. Четыреста скульптурных композиций — это четыреста спектаклей, в которых никогда не опускается занавес, на какой бы сцене они ни игрались: в городской квартире, в выставочном зале, в музее... А в мастерской художника репетируются новые вещи, и новые герои, пройдя сквозь огонь на Дулевском заводе, расстанутся с автором и явятся зрителю. Какие?

— Как обожжется, — повторяет Аста Давыдовна, уклоняясь от уточнений. — Это, знаете ли, азартное дело...

В. СВИРИН.

● Аста Бржезицкая и ее работы. Фото Н. Самойлова.

ботает. Материал капризный, каноническим правилам не подчиняющийся, при соприкосновении с огнем, где, собственно, и превращается в фарфор, он ведет себя непредсказуемо — помещаешь в печь для обжига фигурку стройной дамы, а извлекаешь перекоченную свечу.

Значит, фантазирует? Ведь есть, есть у нее этот дар! Вспоминают коллеги Асты Давыдовны забавный эпизод: на заседании художественного совета рассматривали образцы сувениров. Близился год быка, и Бржезицкая принесла сюда симпатичную буренку, крошечное существо, покрытое веселыми пятнами краски. И вдруг член худсовета, на которого доверчиво оставилась фарфоровая буренка, строгой миной сменил неловкую улыбку:

— Позвольте, а почему она с крыльями?

— А где вы видели корову без крыльев? — незамедлительно парировала Бржезицкая, и опешивший член худсовета посмотрел на нее непонимающе, вздохнул и согласился:

— И правда, нигде...

Но вернемся к несчастной Анне Андреевне. Бржезицкая, взявшись лепить сцену из «Ревизора», никак не могла «выстроить» ее по своему разумению. Ходила в Театр сатиры. Там «Ревизор» был спектаклем Миронова и Папанова, Веры Васильевой и Менглетта, Державина и Ширвиндта... Она решила: в ее спектакле будут «заняты» те же актеры, весь великолепный ансамбль, однако режиссуру она берет на себя. Не из-за несогласия с Плучечком — из-за согласия с Гоголем, заметившим: Хлестаков — фигура фантазмагорическая, неизвестно, откуда он возник и куда сгинул. Значит, ее Хлестаков может и вознестись, и улететь.

Сгруппировала действующих лиц возле длинного стола, а они — каждый сам по себе. Хлестаков между ними мечется, то обоперется о стол, то пристанет к кому-то. Не помогает! Хоть и рядом герои, почти задевают друг друга, а держатся особняком, как клиенты в ожидании очереди к парикмахеру.

— Тогда я схитрила, слегка выгнула стол, превратила в подковообразный. И удивительно, это сразу облизало всех: попочетеля богоугодных заведений с Земляничкой, Городничего с дочерью, Бобчинского с Добчинским... Уселась они плотненько. И Хлестакову — Андрюше Миронову ничего не оставалось, как взлететь. По крайней мере, оторваться от пола. А на переднем плане — Анна Андреевна в роскошном кринолине. С ней-то и трагедия. Шесть раз взрывалась в печи, шесть композиций прахом пошли. Из-за пустяка — формовщик забывал вырезать отверстие для слива фарфоровой массы.

Так и сохранились лишь два экземпляра скульптуры, которые в музейных условиях могут прожить десять человеческих жизней, если только нет в фарфоре тайного брака. Различить его невозможно, но однажды он сам обнаружил себя — через сто, через двести лет осторожный служитель передвинет скульптуру, как до того передвигал ее несчетно, и она в мгновение беспричинно развалится на куски.

Потому-то в Дулево у скульпторов в ходу привычная присказка: «Как обожжется!» Повторяет ее и Бржезицкая, зная каверзный нрав неперемного своего союзника — огня. Уж чем-нибудь, хоть малостью, но досадит.

— Вылепила я Рязанова с Брагинским. С Эмилем мы давно дружим, а тут посмотрела «С легким паром!» и загорелась: ну-ка, попро-

— А Анну Андреевну разнесло на части! Представляете? Впечатление такое, будто под роскошным кринолином была бомба...

Взрыва никто не услышал. И вообще сообщение о нем как-то не вязалось с рассказом о небольшом городе, где есть улица Тюлевая, названная так потому, что во всех окнах — тюлевые занавесочки; где рябины со стволами в обхват и немислимой высоты тополя, малахитовой изумрудности трава вдоль дороги, по которой лениво шествуют огромные белые гуси. И над всем этим — скрипичный концерт Мендельсона из динамика, спрятанного в кроне дерева у проходной.

— Хотя нет, с Анной Андреевной было позже, — говорит Аста Бржезицкая. — И Дулево выглядело уже иначе, почти как сейчас. Но тогда еще работали на фабрике горновщики — здоровые, крепкие ребята, вестники успеха или неудачи. Ты лепишь, лепишь, собираешь водоедно всю ораву персонажей, смотришь — сладилась композиция. Вот Городничий, вот Бобчинский с Добчинским, Земляничка... Отдаешь горновщикам на обжиг, а потом два дня мучаешься, слоняешься поблизости от печи, ждешь третьего дня, чтобы узнать, чем закончилась твоя в буквальном смысле игра с огнем? И вот появляется горновщик в тяжелой войлочной шляпе, войлочных опорах и выносит в руках... Горячее чудо? Или искореженные жаром куски фарфора?

Мгновение, требующее крепких нервов.

Оставим пока Анну Андреевну. Хочу представить вам Асту Бржезицкую — человека, смею утверждать, в нашей стране неизвестного. Нет, не то чтобы многие были непосредственно знакомы с ней или хотя бы знали по фотографиям, по телепередачам. Иным, может, и фамилия-то ее неведома, но — недалеко ушло то время! — в любой семье присутствовала она, не в прямом, разумеется, смысле, а своими фарфоровыми статуэтками. Вспомните-ка «Пыганку» с лицом актрисы театра «Ромэн» Надежды Михайловой, «Хозяйку Медной горы» — обликом вылитая Тамара Макарова. А «Принцесса на горошине»? А «Кот в сапогах» — этакий д'Артаньян с кошачьей мордой. А «Лебедушки» — девицы-красавицы из ансамбля «Березка»? Едва ли не в каждой квартире стояли они на этажерках, комодах, книжных полках, и не потому что мода — потому что можно было купить в магазине вещь красивую и недорогую, к тому же сработанную настоящим художником. Сегодня охотятся за ними коллекционеры, иногда музей порадуется — выставит в витрине. В прежние же годы, когда советская школа фарфоровой пластики, поддерживаемая промышленностью, оказалась на взлете, пошла такая скульптура, как говорится, в быт. И не без участия Асты Бржезицкой.

Искусствоведы ныне пишут о ней статьи, анализируют ее творчество, сама же она, подозреваю, ни одной статьи о себе — с похвалами ли, с упреками, — не прочтала. «Голубчик, — извиняется, — недосуг. Опять в Дулево еду. Сорок три года все езжу и езжу и в электричке гадаю: что-то мой фарфоровый народец на сей раз выкинет?»

— То есть? — спрашиваю. — Из-под ваших же пальцев они появляются.

— Э, у них собственная жизнь. Я вам мой случай с Моцартом приведу. Уж и так, и эдак его лепила. И за клавишником, и у клавишника. Не получается! Ага, сказала себе, нужна женщина. И посадила ее за инструмент. Ну, а Моцарт? Она играет, он слушает? А дальше что? Сперва он просто слушал и выглядел, словно провинциальный тенор, который вот-вот запоет. Потом вдруг... Знаете, фигуркам, когда долго с ними возишься, в какой-то момент надоедает тебя терпеть, и они делают, что хотят. И мой Моцарт неожиданно склонился, коснулся пальцами клавиш, а другой рукой повел, будто говорил: «Этот пассаж должен звучать только так...» Я посмотрела: как они славно все это разыграли! Мне и не придумать.

Лукавит? Вряд ли, поскольку у нее, художника, свои отношения с «фарфоровым народцем», сформированные и опытом, и законами жанра, и свойствами материала, с которым ра-

